

Виктория Токарева

Можно
и нельзя

И з д а т е л ь с т в о « А з б у к а »

Виктория Токарева
Можно и нельзя (сборник)

«Азбука-Аттикус»

1996, 1997

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

Токарева В. С.

Можно и нельзя (сборник) / В. С. Токарева — «Азбука-Аттикус»,
1996, 1997

«Количество усилий однажды превращается в качество. Однажды происходит щелчок — и ты в новой жизни. Как выключатель на стене: щелчок — и свет горит. А за этим выключателем — скрытая проводка по всему дому, линия электропередачи плюс электрификация всей страны».

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

© Токарева В. С., 1996, 1997
© Азбука-Аттикус, 1996, 1997

Содержание

Можно и нельзя	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

В. Токарева
Можно и нельзя
Сборник

© Токарева В. С., 1996, 1997

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

© SAQUIZETA/shutterstock.com (фото обложки)

© В. Плотников (фото задней стороны обложки)

Издательство АЗБУКА ®

Можно и нельзя

Повесть

Отец хотел назвать ее Марией, а мать – Анной. И они нашли имя, которое совмещало оба: Марианна. Сокращенно: Маруся.

Отец с матерью жили спокойно, скучно. Никак. Разнообразие составляли редкие ссоры. Эти ссоры – как поход в театр. Все же эмоциональная разрядка. А потом все входило в прежнее русло, похожее на пенсионерское.

Маруся точно знала, что ни при каких обстоятельствах не повторит такую жизнь. У нее все будет, как в кино. Маруся обожала кино: как там любили, как умирали, какие красивые лица и одежды. Она мечтала сняться, чтобы все ее увидели, вздрогнули и влюбились. Все-все-все: студенты в общежитиях, солдаты в казармах, ученые в лабораториях и короли во дворцах. Она хотела, чтобы ее портреты продавались в киосках, как открытки, и ее лицо, растиражированное в миллион экземпляров, вошло в каждый дом.

Что лежит в основе такого чувства? Желание победить забвение? Человек приходит и уходит. Его век короток. Может быть, потребность ОСТАТЬСЯ любой ценой. Продлить на подольше.

Маруся приезжала к проходной киностудии, стояла и чего-то ждала. Ждала, что ее заметят и позовут. Ее замечали и звали, но не те и не туда. Она не шла. Те, кто звал, – мужской человеческий мусор. Но и среди мусора можно найти что-то стоящее. Помощник режиссера по кличке Ганс организовал ей маленькую роль медсестры. Она должна была сказать одну фразу: «Иванов, вас спрашивают». На нее надели белый халат, скрывающий фигуру, надели шапочку, скрывающую лоб. Осталось только: «Иванов, вас спрашивают». А самые потрясающие у Марианны были именно фигура и лоб. Она носила прическу балерины – все волосы назад, в хвостик, чтобы видны были лоб и шея. И уши – маленькие драгоценные раковинки. Было очевидно, что природа индивидуально трудилась над этим человеческим экземпляром. И труд увенчался успехом.

Съемка фильма оставила тягостное впечатление: никакой организации, все сидят, чего-то ждут, у моря погоды. Ганс посылал ее в магазин за хлебом и колбасой, и она ходила, неудобно отказать... Но все равно съемка. Дорога к славе. И к первой любви.

Но, как выяснилось, за любовью не надо было далеко ходить. Первой любовью оказался мальчик из класса по имени Андрей. Он приходил к ней домой. Они слушали музыку, сидели на диване и обжимались, чтобы никто не видел. Когда родителей не было дома, их действия активизировались: они ложились и целовались лежа. Марианне казалось, будто пламя мощными потоками устремлялось по ее телу. Музыка и страсть наполняли комнату. Марианна плыла в звуках и томлении юных тел. Она касалась своего мальчика, и то, к чему она прикасалась, готово было треснуть в ее руках от напряжения. Но они не преступали черту. Андрей берег свою Марусю, не нарушал ее девственность. Они заходили все дальше в своих познаниях, и все кончилось ужасно. Маруся оставалась девушкой, но беременной девушкой. Врачи сказали: да, так может быть, потому что девственная перегородка – не бетонная стена, а живая и пористая, через нее вполне может проскочить юркий сперматозоид. Таких случаев сколько угодно.

Маруся испытала шок. Она шла на аборт, как на заклание. Дефлорацию произвели врачи. Она теряла свою невинность под холодным скальпелем хирурга. И когда Маруся вышла из

больницы и вернулась домой, она уже ненавидела Андрея и свое к нему тяготение. Будь оно проклято!

Андрей стоял перед ней с потрясенным лицом. Она видела его горе и слезы. Он плакал. Но она презирала его слезы. И это презрение вконец уничтожило его. Мальчик ушел, плача, в свою дальнейшую жизнь. Что с ним было потом, она не интересовалась.

Жизнь продолжалась тем не менее. Маруся по-прежнему хотела сниматься. И, как поется в песне Дунаевского: «Кто хочет – тот добьется...» Марусе поручили довольно большую роль. По сюжету от этой героини ничего не зависело. Она просто ждала главного героя с войны. Смысл ее роли – ожидание. Маруся изображала терпение, и лицо ее было неподвижным и туповатым, как само терпение.

Однако фильм вышел на экраны. Марусю приглашали на встречу со зрителями, дарили цветы. Так начиналась слава. Не бог весть какая, но все же... Люди, цветы. Появился мужчина, старше на двадцать лет. Писатель. Он был холостой, пьющий и конфликтный. Основное его состояние – ненависть. Он ненавидел всех – близких и дальних: соседей, братьев по перу, правительство и генерального секретаря Брежнева. Любил он только свою маму. Он ее обожал, боготворил и боялся.

Маруся приезжала к нему на холостяцкую квартиру с сумкой продуктов. И прежде чем лечь с ним в постель – варила и убирала. Иначе это было логово зверя. Маруся вытирала пыль, мыла пол, жарила мясо. Потом они садились за стол.

На столе как неременная деталь к натюрморту стояла бутылка водки – холодная, запотевшая, и Писатель в предчувствии реальной выпивки приходил в восторг. Он смотрел на Марусю, видел, что она – гений чистой красоты. Жизнь ненадолго, пусть на мгновение, оборачивалась своей сверкающе-прекрасной гранью: женщина, водка, мясо... Что еще нужно одинокой взыскующей душе.

Потом они ложились в кровать. Он близко видел ее изумительные плечи, восемнадцатилетние груди, его сердце трепетало от любви. А потом он быстро засыпал с открытым ртом, и она смотрела на него, спящего, слегка балдея от его алкогольных паров.

Марусино сердце созрело для любви, и она принимала любовь, как весенняя земля принимает зерно. И уже не важно, какое это зерно: здоровое или гнилое.

В этот год Маруся поступила в театральное училище. Ее ждала жизнь профессиональной актрисы. Но... судьба поставила первую преграду. Маруся заболела. Врачи поставили диагноз: туберкулез кишок.

Откуда взялась эта болезнь? Маруся считала, что внешность для актрисы – это инструмент, как скрипка для скрипача. Она постоянно худела, чтобы истончить себя до прозрачности. Может быть, это явилось причиной. Но скорее всего – судьба не хотела, не пускала ее в актрисы.

Маруся лежала в больнице и медленно таяла. Цвет лица сравнился с цветом подушки, и высокий овальный лоб завершал гробовой образ. Маруся смотрела на себя и думала: мертвая панночка. Даже в таком состоянии она примеряла на себя роль.

Писатель приходил, навещал. Он садился возле кровати, доставал из портфеля бутылку и пил с горя. Закуску он не приносил, поэтому Маруся отдавала ему протертый больничный обед. Она все равно не могла это есть. Организм не принимал. А Писатель ел с удовольствием.

Врачи увеличивали дозы лекарств, но лучше не становилось. Организм как будто вздрагивал и замирал, потом вопил: нет! Поднималась температура.

Марусина мама пришла к главному врачу больницы и устроила скандал. Позвонили с киностудии и пригрозили тюрьмой. Зашел пьяный, однако известный Писатель и грозился избить.

Главный врач испугался и созвал консилиум. На консилиум приехал знаменитый Ковалев – полуармянин и полубог. У него не умирали. Это был сорокалетний человек, отдаленно

похожий на Ленина в период эмиграции. Но красивее. Хотя Ленин тоже был вполне красив, недаром от него потеряла голову Инесса Арманд. Итак, Ковалев был похож на Ульянова, который пустил свою энергию и талант в мирных целях.

Ковалев увидел Марусю у смерти на краю. Им овладело желание прорваться, спасти, прижать к груди. Он взял домой историю болезни и просидел над ней всю ночь. А на рассвете понял: у Маруси не туберкулез, а аллергическая реакция на препараты, которыми ее лечат. Врачи увеличивали дозу и усугубляли реакцию, и все это шло к своему логическому концу. Организм сначала протестует: нет! Потом замолкает.

Маруся проснулась рано и смотрела в окно. Прозрачная рука лежала на одеяле, и так хорошо было не двигаться. Просто лежать и смотреть. Ей нравилось не отвечать на вопросы, не реагировать на входящих. Мама, медсестры, подруги, Писатель – все они были как в аквариуме, в другой среде и за стеклом. Подплывали, разевали рты, что-то хотели, помахивая кистями рук, как плавниками. Маруся смотрела на них равнодушно, потому что принадлежала уже каким-то другим хозяевам.

Это утро было особенно тихим и торжественным. Никто не заглядывал, наверное, был выходной. Внезапно открылась дверь и возник Ковалев в белом халате, с историей болезни в руке. Он приблизился к Марусе и произнес:

– Я вас вылечу. Но для этого я должен забрать вас из этой больницы и перевести в свою. Вы согласны?

– А это можно? – тихо удивилась Маруся.

В больнице была строгая дисциплина, как в армии, и больной считался самым нижним чином. Ниже, чем солдат. Что-то вроде солдата на гауптвахте. Ему нельзя ничего.

– Если вы согласитесь, то больше ни у кого не надо спрашивать, – сказал Ковалев.

Это было так странно, как будто Ковалев пришел от новых хозяев. Он пришел ЗА НЕЙ. Он переправит ее ТУДА, где ничего не болит.

– Я согласна, – проговорила Маруся.

Ковалев собственноручно перенес Марусю в свою машину, закутал сверху казенным одеялом. Отвез в свою больницу, где руководил отделением.

Лечение было начато через час. Ковалев полностью отменил все гормональные препараты, поставил капельницу – промыть сосуды, назначил гемосорбцию – очистить кровь.

Через три дня Маруся уже сама подходила к умывальнику, мыла лицо. Какое это счастье – бросить на лицо свежесть и прохладу, самостоятельно совершить движение руками сверху вниз, вдоль лица. Недаром мусульмане используют этот жест во время молитвы.

Через неделю Маруся бродила по коридорам больницы, могла звонить домой и на киностудию: нет ли новых предложений? Предложений не было, что странно.

Едва воспряв для жизни, Маруся тут же захотела сниматься в кино. Видимо, это был ее основной инстинкт.

Писатель приходил, удобно усаживался и начинал ругать всех подряд, начиная с генерального секретаря. Маруся слушала и соглашалась: Брежнев действительно был не в лучшей форме. Но ведь существовала сама Маруся – сноп солнечного света. Как можно не видеть этого сияния даже сквозь закопченное стекло? Как можно быть недовольным, если рядом ТАКАЯ Маруся?

Ковалев имел честь познакомиться с Писателем. Общение было коротким.

– Где-то я вас видел, – сказал Писатель, вглядываясь в Ковалева. Он вглядывался подозрительно, будто видел Ковалева в непристойном месте: в кабинете КГБ или в борделе.

– Возможно, – ответил Ковалев. – Не помню...

Когда Писатель ушел, Ковалев сказал, что ему тоже надо промыть мозги и сосуды.

Маруся вдруг поняла, что Писатель в самом деле весь, с головы до ног, закопчен алкогольной копотью, которая не пропускает в него солнечный свет. Она думала прежде, что горечь

Писателя – это лермонтовская горечь: разлад мечты с действительностью, как у всякого гения. А оказывается – все просто. Продукты алкогольного распада отравляют мозги, и все видится как в кривом зеркале.

Маруся не могла не заметить, что в больнице – культ и диктатура Ковалева. Ему безоговорочно подчинялись и боготворили. И было за что. Ковалев знал свое дело. Его дело – человеческое здоровье.

Книги, которые создавал Писатель, кому-то нужны, а кому-то нет. Здоровье нужно всем без исключения. В больнице это становится особенно очевидно.

Маруся пролежала в больнице три недели. За это время Ковалев влюбился в нее, как в свою Галатею. Как профессор Хиггинс в свое творение. Как зрелый мужчина в молодую женщину.

Ковалев точно знал, что ему нужно для счастья, и поэтому решил не тратить времени на долгие ухаживания.

В первый раз Ковалев женился рано, на своей сокурснице. Они вместе проходили практику, вместе дежурили по ночам. В результате этих дежурств родился сын Денис. Сейчас Денис окончил десять классов и тоже хотел стать врачом. Готовился поступать в медицинский.

Ковалев не стал объясняться, а просто оставил жене письмо. В письме он сообщил, что никогда не задумывался над отношениями между ними. Просто жил из года в год. А оказывается, это была дружба. И если не знать, что такое любовь, то можно просуществовать и на дружбе. Но если узнать, что такое любовь... И так далее.

Ковалев оставил письмо на столе, взял дорожную сумку, запихнул в нее самое необходимое и ушел. Куда? В свой рабочий кабинет. Он спал на казенном диване, ел больничный супчик. Ел он мало. Считал, что достаточно принимать пищу один раз в день.

Как отреагировала жена на его уход, он не знал. И не интересовался. Какой смысл в словах? Предположим, состоялось бы тяжелое объяснение, после которого он бы ушел. По результатам то же самое. Объяснился и ушел или ушел без объяснений. Но ушел все равно. Жена и сын тоже не стали звонить и задавать вопросы. Может быть, жена оскорбилась и возненавидела. А возможно, обрадовалась, ведь он оставил все, что было нажито за двадцать лет жизни. Казалось бы – мелочь. Что такое собственность, когда жизнь рушится? А не мелочь. Во все вложены большие деньги, а значит, труд, а значит, жизнь. Мелочей нет.

А скорее всего, жена хорошо знала его характер. Ковалев – цельный человек, сделан из единого куска, как гранитная плита. Он не умеет двоиться, троиться, входить в положение. Такой характер имеет свои достоинства и свои столь же тяжелые недостатки. Жена знала, что бесполезно призывать к его состраданию, сочувствию и прочим СО. Он не услышит. Он не может делать одновременно два дела: любить женщину и при этом беспокоиться о прежней семье. Он может делать что-то одно.

Прожив три недели в кабинете, Ковалев снял квартиру у знакомых, которые уезжали за границу. Квартира была красивая, в кирпичном доме на краю лесопарка. Утром можно было выбегать в деревья и делать гимнастику.

В день выписки Ковалев сделал Марусе предложение.

– Но я люблю другого, – сказала Маруся, удивившись.

Она воспринимала Ковалева как лечащего врача, как верховного главнокомандующего и не подозревала о его чувствах.

– Люби, – спокойно отреагировал Ковалев. – Я тебе разрешу.

– Что разрешите? – не поняла Маруся.

– С ним спать. Если хочешь...

– Значит, я буду спать с двумя? – уточнила Маруся.

– До тех пор, пока ты не прозреешь, – объяснил Ковалев. – Ты в конце концов бросишь его. Но не надо делать это насильственно. Он сам отвалится.

Марусе было неудобно сказать «нет» после всего, что Ковалев для нее сделал. Он спас ей жизнь, ни больше ни меньше.

– Я подумую, – дипломатично ответила Маруся.

Она вернулась домой и стала думать о Ковалеве. Она боялась остаться без него. Ей казалось: без него с ней что-то случится. Она опять заболит и начнет умирать, или опять забеременеет с воздуха, или кто-то ее обидит, толкнет. А при Ковалеве никто не обидит, и можно жить, как раньше. И даже лучше, чем раньше. Ковалев будет лечить знаменитых режиссеров, а они за это будут снимать Марусю в кино. Одно дело – снимать студентку, другое дело – жену великого Ковалева. Положение в обществе.

Мать тихо позавидовала Марусе. Ее муж, Марусин папа, был, как говорится, ни Богу свечка, ни черту кочерга. Для него главное, чтобы его не трогали. А Ковалев – и свечка, и кочерга. Да чего там, сам – и Бог, и черт. Мать всегда мечтала о таком. А Маруся получила. Мечта сбылась в следующем поколении.

Стрелка судьбы неуклонно шла в сторону Ковалева. Не о такой Маруся мечтала любви. Но в конце концов, если придет ТАКАЯ, можно все переиграть. Какие ее годы, вся жизнь впереди...

Маруся переехала в квартиру возле лесопарка с мебелью Луи Каторз.

Первая близость произошла между ними на пути из кухни в спальню. Ковалев не мог потерпеть еще четыре шага и зажал ее в проеме двери. Он обладал ею истово и ритмично, как собака. Безумно неинтересно. Насколько значителен Ковалев был на работе, настолько примитивен в любви.

«Ужас... – подумала Маруся. – Зачем мне это?»

На другой день она поехала к Писателю и сидела, подавленная. Писатель отмалчивался. Он мог бы сказать: «Зачем он тебе? Переезжай ко мне». Но это не входило в его планы. Писателю нравилось так, как есть. Он имеет Марусю и свободен от ответственности за нее.

Ночи с Ковалевым проходили в больших неудобствах. Он постоянно будил ее, пытаясь утолить свою любовную жажду. Маруся просыпалась каждый час, как на вахте. Он все не мог утолить, и это продолжалось, продолжалось... Марусе казалось, что это никогда не закончится...

– Отстань! – сказала Маруся. – Надоело.

– Как надоело? – не понял Ковалев.

– Так. Надоело, и все. Давай спать.

Ковалев послушался, и они заснули. Во сне она положила голову ему на грудь. Он обнял ее, и они заснули, как два зверя в одной норке.

Среди ночи Ковалев тихо застонал.

– Что с тобой? – встревожилась Маруся.

– Люблю, – тихо отозвался Ковалев.

– И я, – произнесла Маруся неожиданно для себя.

Это было правдой. Маруся нашла СВОЕ тепло. Это было чувство, непохожее на первую страсть, как в школьные годы, и непохожее на греховное соитие с Писателем. Это было СВОЕ тепло. Они принадлежали друг другу, как две косточки внутри одного яблока. Яблоко принадлежит ветке, ветка – стволу. Так и они принадлежали всему человечеству. Но в темноте ночи – только друг другу. Их яблоко было целым и спелым.

Маруся нашла его губы, он с готовностью отозвался на поцелуй. Ткнулся, как клынул.

– Не так... – сказала Маруся.

И повела его за собой по тропинкам любви. Она и сама не очень хорошо знала эти тропинки и закоулки, но ее вела интуиция женщины.

– Откуда ты все знаешь? – поразился Ковалев.

– Не знаю, – отозвалась Маруся. – А ты почему ничего не знаешь?

– Не знаю...

Как-то не обязательно было знать. Те отношения, которые связывали его с женой, действительно походили на дружбу. А в дружбе секс не обязателен.

Они вместе осваивали эту страну любви. И уснули в конце концов, переплетясь ногами, прижавшись устьями своих тел, как лицами. И казалось, не было такой силы, которая могла бы их растащить.

Каждое утро Ковалев уезжал на работу. Маруся оставалась дома, занималась хозяйством.

Детей она не хотела, потому что беременность и кормление выведут ее из формы на целый год и даже больше. А вдруг в это время выскочит удачная роль... Маруся не хотела рисковать.

Ковалев купил ей собаку – овчарку, чтобы охраняла. Он не мог оставить Марусю одну, без защиты.

Иногда приходил Писатель. Маруся кормила его обедом и отправляла выгуливать собаку. Иногда он сталкивался в подъезде с Ковалевым. Они здоровались и шли в разные стороны: Ковалев домой, а Писатель с собакой – в лесопарк. Писателя устраивала такая расстановка сил. Он не собирался жениться, и хорошо, что Маруся была пристроена. И вместе с тем что-то его раздражало, он не мог понять, что именно. Статус любовника, не тайного, а явного. И получалось, что они – Ковалев и Маруся – оба его употребляют. Маруся заезжала к Писателю довольно редко, на пару часов, и по дороге. Она уже не готовила, не прибирала, а так... Приедет, развлечется – и домой. Как мужик. Иногда звонила мужу на работу из постели.

– Как ты? Все в порядке?

Писателю хотелось взять трубку и добавить: «И у нас тоже в порядке».

– Странные вы люди, – говорил он Марусе.

– Нет, – отвечала она. – Мы не странные. Просто мы не врем друг другу.

– Уж лучше врать...

– Зачем? – удивлялась Маруся. – Я его люблю.

– А тогда зачем ты со мной?

Маруся задумалась: и в самом деле – зачем?

Они расстались. Трудно понять, кто кого бросил. И зачем они были вместе. Хотя, если подумать, понять можно. Маруся – молодая, красивая и одухотворенная, как мадонна без младенца. А Писатель – бедный, больной и талантливый. И непостижимый. Какая-то холера его ломала. Он всегда был несчастлив. Он так жил, через боль. И хотелось отдать себя – такому вот, неустроенному. Хотелось жертвовать собой, находить в самопожертвовании высшее предназначение.

Ковалев – другое дело. Ковалев – крепость. Можно лечь и спокойно заснуть и ничего не бояться. А собака будет сидеть у порога и сторожить.

В кино дела шли туго. Приглашали, делали пробы, а потом не отзванивали. Почему? По тем ролям, которые она сыграла, невозможно было определить: хорошая это актриса, или плохая, или посередине. На троечку. Возможно, попади она в хорошие руки, из нее можно было бы сделать символ времени. Все зависит от случая.

Маруся начала формировать случай. Случай – это хороший режиссер. Значит, нужны контакты, близкое общение. Гости, водка и еда. Кормить, поить, дружить домами. Но кто поедет в район лесопарка? Значит, надо приобрести квартиру в центре.

Ковалеву пришлось войти в квартирные волны: обменное бюро, взятки, маклеры, кооперативы и, конечно же, деньги, деньги и еще раз деньги.

Советская медицина была бесплатной, пришлось заняться частной практикой. После работы ездил по вызовам. Рабочий день кончался не в четыре, как раньше, а в восемь и в десять. Ковалев входил в дом, ватный от усталости, а в доме – киношный народ. Приходилось сидеть с гостями, хотя единственное, чего хотелось, – это свалиться и заснуть.

Случай не заставил себя долго ждать. К их дому прибился знаменитый режиссер, страдающий язвой желудка. Он предложил Марусе роль – небольшую, но очень колоритную: городская сумасшедшая.

Марусе сделали грим: волосы во все стороны, в глазах безумие, но видно, что молода и хороша. В такой роли можно просверкнуть, поразить, запомниться, войти в сознание. После такой роли от нее уже не отмахнешься.

Маруся месяц ездила на студию, за ней присылали машину. Наконец съемки были закончены. Наступил монтажный период. Режиссер просмотрел материал и увидел, что отснято много лишних метров. Надо было освободиться от необязательного. Городская сумасшедшая пошла под ножницы, ее вырезали, хотя и с сожалением. О монтажных купюрах актерам не сообщают. Маруся ничего не знала.

Настал день премьеры. Маруся и Ковалев нарядились, пришли в Дом кино и сели на лучшие места. Зал был переполнен, только что не висели на люстрах.

Начался фильм. И кончился фильм. Маруся поднялась со своего места. Ее лицо горело, как после пощечины. Ковалев боялся на нее смотреть.

К ним как ни в чем не бывало подошел режиссер. Спросил:

– Ну как?

– Очень интересно, – нейтрально ответила Маруся.

– В ресторане банкет. Поднимайтесь, – пригласил режиссер.

Он приглашал Ковалева как своего лечащего врача. По поводу Маруси у него не было никаких комплексов. Ему казалось: они дружат, вот и все. Какая компенсация за дружбу? Дружба – сама по себе ценность.

– Спасибо, – поблагодарила Маруся.

Режиссер отошел, вернее, отбежал. Отбежал навстречу своей славе, признанию и зависти.

– Неужели ты пойдешь? – удивился Ковалев.

– С ним нельзя рвать. Может быть, он пригласит меня в следующий раз, – проговорила Маруся с каменным лицом.

– А гордость у тебя есть?

– Кино – это опыт унижений. Если надо терпеть и унижаться, я буду терпеть и унижаться.

Они пошли на банкет, сидели до закрытия ресторана, потом все отправились к Ковалевым догуливать.

Ушли под утро, оставив после себя горы грязной посуды. Кто-то вывернул мусорное ведро на балконе. Пришлось руками возвращать мусор в ведро.

Режиссер напоследок решил сесть на собаку верхом.

– Не надо, – спокойно предупредила Маруся. – Будет «ам».

– Она меня не тронет, – успокоил режиссер.

– Я сделаю «ам», – четко сказала Маруся.

Сама она готова была терпеть и унижаться. Но свою собаку она защитит. За свою собаку она укусит.

Режиссер подчинился. Может быть, что-то почувствовал. А скорее всего – ничего не почувствовал. В этот вечер ему было позволено все.

Когда все ушли, Маруся легла лицом к стене и пролежала сутки. У нее началась депрессия.

Через год родился ребенок. Девочка. Назвали Мария, сокращенно Маруся. Пусть будут две.

Большая Маруся поняла простую вещь: чтобы терпеть и унижаться, надо иметь мощный противовес: семью, детей и благосостояние. Дети и деньги – вот что надо иметь, чтобы спокойно дожидаться случая.

Девочка оказалась копией Ковалева. Маруся знала причину: во время зачатия она пребывала в депрессии и не участвовала в процессе. А Ковалев старался за двоих, поэтому девочка оказалась похожа на него одного.

Маленькая Маруся росла и радовала и на какое-то время оттеснила мысли о кино. Какое еще кино, когда головой на плече спит беспомощное существо, теплое, как кролик! Большая Маруся все время носила ребенка на руках, не могла расстаться. И когда на ночь укладывала в кровать, руки тосковали.

Ковалев был занят работой по горло и выше. Но ему так нравилось, он так жил. Больница его ширилась, строился еще один корпус. Молодые специалисты работали вокруг Ковалева, учились как у мастера, перенимали опыт. А некоторые догоняли, шли вровень. Ковалев не завидовал. Наоборот, гордился. Если кто-то рядом делал успехи, медицине от этого только лучше.

Однажды Ковалева пригласили к Патриарху всея Руси. Вроде бы ближе всех к Богу патриарх, а болезнь вполне земная и человеческая: сердце. Тяжело дышал патриарх, не хватало воздуха, и никто ничего не мог понять. А Ковалев определил с полувзгляда: воспаление сердечной сумки.

Все, что касается сердца, – так страшно... Все-таки мотор, который запускает всю машину. И когда отпускает боль, уходит страх – такое счастье.

Ковалев и патриарх подружились. Марусю он называл «матушка», подарил перстень с рубином.

Маруся пригласила известного фотографа Никиту. Никита сделал убойный снимок: патриарх в полном святейшем облачении, риза горит огнями, а рядом Маруся – маленькая головка на высокой шее, дивные плечи, овальный лоб, покорность во взоре. Смотришь – глаз не оторвать, и высокие чувства трогают душу. Высокие состояния.

Маруся повесила портрет в прихожей. Гости приходили и застывали. Даже неудобно было шутить.

Потом все-таки шутили, на ум приходили греховные анекдоты. Актеры как дети. А режиссеры как шлюхи-динамистки: поедят, выпьют, а на роль не приглашают.

Маруся открыла в себе новое увлечение: старина. Она ездила по старушкам, скупала мебель, картины. В одном месте – кресло, в другом – бисерную сумочку. Не поленилась – съездила в Хохлому. Привезла мешок за бесценки. Красота – невиданная и неслыханная, душа народа зашифрована в ярких росписях по лаку.

Никита сделал портрет «а-ля рюсс». Маруся среди расписных подносов и круглых блюд.

По приглашению патриарха отправилась в монастырь. Подарила кое-что монашкам. Монашки низко кланялись в пояс.

Маруся ходила среди них, скромно повязав платок, глядя по-монашески вниз. Это была талантливая актриса, играющая монашку. Кино ее не востребовало, приходилось самой выбирать себе роль. И самой играть.

Одна из монашек дала адрес своей сестры, у которой скопились старые иконы. Ковалев и Маруся поехали к сестре за тридевять земель, в Великолукскую область, по бездорожью. Пришлось бросить машину и добираться на тракторе.

Стоял февраль. Деревня – под снегом, пустая, будто вымершая. Только три цвета – черный, белый и серый. Черные дома, белый снег, серое небо. Как в черно-белом кино.

– А как они тут живут? – спросила Маруся.

– Они летом живут, а зимой ждут, – ответил Ковалев.

Маруся вздохнула. Где-то на другом уровне, но ее жизнь тоже состояла из ожидания и тоже имела три цвета.

Сестра монашки оказалась веселой, не старой бабой. Маруся подарила ей яркие чешские бусы, а взамен получила икону в серебряном окладе. Потом они выпили мутного самогона. Маруся широким жестом сняла с шеи яркую косынку, а сестра монашки достала из сундука мраморного амурчика с могилы купчихи, умершей в начале века.

Маруся и Ковалев поняли, что в заброшенных деревнях можно найти настоящие музейные ценности.

Когда в жизни нет основного наполнения, используются заменители, как пломба в дырявом зубе.

Заменителем творчества и новым наполнением стали рейды по старине. В Марусе проснулся азарт и алчность кладоискателя. Плюс фанатизм коллекционера. Красивое должно быть не вообще, а в их жилище. Рядом. Красота украшает жизнь, ее можно продать и превратить в деньги. А деньги – в накрытые столы, ломящиеся от еды и питья. А за стол посадить нужных людей и формировать случай.

Маруся накрывала и сажала. Творческие личности пировали и уходили домой, не испытывая благодарности. Наоборот. Они чувствовали, что их покупают. И тогда хотелось быть неподкупными и непродажными.

Ковалев являл собой нечто схожее с доктором Дымовым из чеховской «Попрыгуньи». Он, как правило, не выходил из своего кабинета, появлялся на несколько минут, чтобы сказать малозначительные слова типа: «Пожалуйста, господа, закусить». А Марианна, с широкими плечами, в декольте и накидке из белых перьев, метала в себя рюмки, становилась шумная, оживленная, немного вульгарная, как залюбленный ребенок, распушенный от чрезмерной любви взрослых.

К тому времени они уже купили кооперативную квартиру и обменяли ее на самый центр, против ресторана Дома кино. Когда не хотелось готовить, а надо было принять гостей или попасть на просмотр, она перебежала дорогу и оказывалась в центре киношной жизни. Ее все знали, и она знала всех.

В этот период своей жизни я начала работать в кино и тем самым попала в поле зрения Марианны. Она стала меня зазывать, приглашать, на всякий случай. Вдруг получится...

У меня заболел близкий родственник, пришлось искать Ковалева. Образовался двухсторонний интерес, и таким образом я попала в Марусин дом. Я пришла в джинсах и свитере, у меня больше ничего не было. Правда, в качестве дополнения к туалету я привела с собой престижного мужчину. И не просто мужчину, а режиссера. И не просто режиссера, а одного из первых.

Маруся открыла мне дверь в роскошном бальном платье и шумно прокричала что-то приветственное. Это было неестественно, слегка бездарно. Пришел человек – улыбнись, обрадуйся. А чего рвать?

Горели свечи, грохотала музыка, придворный фотограф Никита фотографировал хронику Марусиной жизни. Приглашенные разделились на несколько несоприкасающихся групп, Маруся торопливо напивалась, девочка на диване тихо играла в куклы, было непонятно: что она делает в этом бедламе.

Позже я сказала режиссеру:

– Дай ей роль.

Он подумал и вдруг согласился.

– Там у меня есть одна, противная. Пусть сыграет себя.

– А разве Марианна противная? – удивилась я.

– Она не противная. Она очень противная, – поправил он.

Режиссер видел только внешнюю, напряженную сторону ее жизни. А невидимых миру слез он не знал.

Маруся стала сниматься в эпизоде. В эти дни она звонила мне каждый день, предлагала новые краски для своей героини. Но режиссеру нужны были только две краски: злоба и жадность.

Маруся сыграла красивую хамку. Получилось. Сверкнула надежда, как луч в ночи... Но... луч побледнел и погас. И снова потянулась полоса безвременья. И опять застолья, нужные люди. Никита фотографировал Марусю в момент возлияния: закинутое лицо, полуприкрытые глаза, лучики света, отскакивающие от хрусталя.

Весной Ковалев взял отпуск, поехали в глубину страны, куда глаза глядят. Нашли деревню, в которой жила бабка-староверка. Ничего особенного в бабке не было: платочек, шерстяная жилетка. Но вот икона... В деревне говорили, что она чудотворная. Николай Угодник смотрел на Марусю, как будто все про нее знал. В иконе было что-то тревожащее, непонятно что.

– Мы берем, – поспешно сказала Маруся.

Старуха сказала, что икона продается только вместе с домом.

– А сколько стоит дом? – спросил Ковалев.

– Не в деньгах дело. Здесь надо жить, – пояснила старуха.

Маруся сморгнула. Смешно слушать: она должна бросить Москву, квартиру, свое кино и переселиться в медвежий угол, чтобы жить при иконе. Но наметанным глазом она видела настоящую старину и настоящее богатство.

– Хорошо, – согласилась Маруся. – Мы согласны.

Ковалев с удивлением вытаращился на жену, но она приказала глазами: «молчи»...

Сговорились о цене. Старуха продала за копейки, даже неудобно. Маруся буквально совала деньги, но старуха не хотела брать. Для нее важно было пристроить икону к хорошим людям, как будто икона – не доска, а живое существо.

Все кончилось тем, что старуха уехала в конце концов, а Ковалевы остались ночевать в своей избе. Маруся не спала. Под полом бесились мыши, должно быть, мышиные дети. Николай Угодник смотрел из своего угла.

Рано утром вынесли из дома икону, положили в машину. Собрались в путь.

Потом Маруся натаскала из сарая солому, обложила дом, облила бензином из канистры и подожгла.

– Что ты делаешь? – оторопел Ковалев.

– Пожар, – объяснила Маруся. – Где же нам жить, если нет избы...

Дом занимался медленно. Стояла сырая весна. Дым стелился по земле. Но потом вдруг занялось, загудело, и мощный столб пламени пошел в небо. Дом трещал, огонь безумствовал. Стало страшно. Ковалев и Маруся отошли подальше. В лица тянуло жаром. Стихия огня, как всякая стихия, – жестока и красива. Пугала и завораживала.

Немногочисленные деревенские жители, в основном старики и старухи – серые в сером рассвете, стояли и смотрели, притихшие. И розовый отсвет лежал на их лицах.

Марусе исполнилось тридцать лет, когда к ней пришла ТАКАЯ любовь. Бог послал. С доставкой на дом. Его привели друзья на одну из Марусиных вечеринок. Представили: «Борис Мещерский. Художник». Длинными волосами, тонким, неулыбчивым лицом он походил на Иисуса Христа, только в светлом варианте. Маруся тогда ничего не почувствовала, ей не был дан знак, что это ОН. Единственное – фамилия показалась знакомой. Потом выяснилось: Мещерские – старинный княжеский род, окончивший свое высокородие вместе с революцией. От всего рода осталась одна ветка, и та во Франции. А в России – только Борис. Отца расстре-

ляли за фамилию. Считалось, что князь не компания рабочим и крестьянам. Мать с сыном уцелели, но это отдельная, вполне трагическая история. Борис продолжал фамилию, но его голубая кровь по тем временам – как козе баян, попу гармонь, рыбке зонтик, собаке пятая нога и так далее и тому подобное.

Борис еще студентом участвовал в «бульдозерной выставке». Была такая выставка при Хрущеве, которую смели бульдозером. Но потом не преследовали. Хрущев не был злопамятным. Однако и не поддерживал. Живи как хочешь. Борис жил как хотел. У него были жена, дочь, мастерская на чердаке и талант. Он знал про талант. Во-первых, ему говорили в лицо. Во-вторых, он его чувствовал физически. Когда подходил к своему холсту, внутри что-то радостно переворачивалось. Наверное, талант и переворачивался.

Борис не думал о деньгах и не зарабатывал их. Он думал только о своих картинах. Купят – хорошо. Не купят – тоже хорошо, картина останется с ним, как непристроенное дитя. Этих «детей» скопилось у него в мастерской хоть складывай штабелями.

Практическая жилка – тоже талант. Но другой. У Бориса Мещерского был талант творца. Что касается «жилки», она оказалась полностью атрофирована. Возможно, в нем сказывалось генетическое пренебрежение к добыче хлеба насущного. Мещерские были богаты из поколения в поколение.

Жена Бориса громко жаловалась друзьям по телефону, и друзьям в гостях, и малознакомым людям. Она называла себя: «безлошадный крестьянин». Почему крестьянин? При чем тут лошадь? Но в общем смысл был ясен. Борис по гороскопу – Дева. А считается, что мужчина Дева все свои заботы складывает на плечи женщин, жен или подруг – не важно. Некоторые Девы складывали сознательно и даже подбирали себе таких тягловых лошадей. Борис ничего не подбирал и не складывал. Он женился по любви жены, так что можно сказать: она его выбрала, а он не возражал. А если быть совсем точным: она нравилась его маме.

Борис мог бы зарабатывать, если бы рисовал заказные портреты, как это делали известные придворные художники. Они – известные и придворные – рисовали жен иностранных послов и жен наших политических деятелей. Чуть-чуть утоньшали лицо, удлиняли шеи, увеличивали глаза, в глаза – драматический отсвет, – и вот портрет готов. И деньги готовы. Любая женщина хочет видеть себя именно такой: тонколицой, большеглазой, одухотворенной, с трагическим отблеском во взоре. Вместо этого Борис рисовал котов с человеческим лицом или человека в середине земли, у которого из глаз растут цветы.

Все кончилось тем, что жена его бросила, точнее, выгнала, и Борис ушел жить в мастерскую. Жена сама выбрала, сама бросила. Он подчинился и в первом, и во втором случае.

Жизнь его мало переменилась. Борис и раньше с утра до вечера пропадал в мастерской. Просто раньше он ходил ночевать домой и перед сном съедал тарелку горячего борща с большим куском мяса, розового от свеклы. А сейчас он ел консервы: кильки в томате, и его мучила изжога. Зато больше ходил по гостям и больше видел людей.

Так Борис попал в дом Ковалевых. Дверь открыла Маруся в бальном платье, с накидкой из страусовых перьев на дивных широких плечах, как будто сошла со старинного семейного альбома Мещерских. Она протянула руку и назвалась:

– Маруся...

– Вы не Маруся, – сказал Борис.

– А кто? – Она удивленно подняла тонкие брови.

– Мария. Или Анна.

– Мое полное имя Марианна. Вы угадали...

Появились еще какие-то гости. Маруся отвлеклась на новых людей. Борис разделся и прошел в комнату.

Шли восьмидесятые годы. Все мы были бедны за редким исключением. Все были: Таньки, Гальки, Нинки в джинсах на каждый день и в джинсах на выход. А она была – Марианна, с нарядным именем, в нарядном платье и настоящих украшениях.

Борис – художник, и в женщине он прежде всего ценил красоту. Красота на самом деле – такая же редкость, как талант. А в сущности, красота и есть талант самой природы.

В роду Мещерских мужчины были красивее женщин. И Борис тоже был хорош – с прямой спиной, большими синими глазами, с прекрасной манерой смотреть и слушать. Но он всегда чуть-чуть отсутствовал. Его чуть-чуть не было.

В доме Ковалевых он как будто очнулся и с огромным вниманием рассматривал иконы на стенах, живопись. Он без труда определял возраст иконы, школу иконописи и поражался ценности коллекции.

Потом отыскал удобную точку, достал блокнот и карандаш – это он всегда носил в боковом кармане и мог вытащить где угодно: в метро, на улице, в гостях. Стал набрасывать портрет Марианны, пристально вглядываясь в ее лицо. Овал не надо было утоньшать, а шею удлинять, а глаза увеличивать. Все было сделано Господом Богом. Между глазами Марианны зрительно можно было разместить еще один глаз. Идеальная пропорция. Она держала перед собой рюмку. Узкое запястье, стройные пальцы, тяжелый перстень с рубином. Борис так и рисовал: вначале рука с бокалом, а сквозь стекло, как в дымке, – глаза.

Вокруг творилась вечеринка, а Борис сидел и работал. И когда уходил, вырвал рисунок из блокнота и протянул Марианне. Марианна показала Ковалеву. Ковалев смотрел довольно долго, потом сказал:

– А вы могли бы написать портрет моей жены?

Борис не делал заказных портретов, но в этот раз он задумался.

Когда все разошлись, Маруся долго смотрела на карандашный рисунок. Она как бы прятала за рюмку свою истинное лицо, и никто толком не знал ее лица. И она сама не знала и погружалась в тоску, как в болото.

Она, как чеховская Нина Заречная, готова была жить в голоде и в холоде, но познать славу – настоящую, ошеломительную. У Маруси – все наоборот. Полный достаток, но никакой славы, даже простого узнавания. Ее никогда не узнавали на улицах, а когда она сообщала кому-то, что киноактриса и снималась, – тоже не припоминали. Это было невыносимо. Обыкновенная жизнь, без следа. Молодость, красота уходят, как дым в трубу.

Борис Мещерский взялся писать портрет и попросил Марианну приехать в мастерскую. Марианна отправилась, прихватив с собой собаку – не для охраны, а для компании. Как близкую подругу.

Марианна была уверена, что Борис начнет приставать, к ней приставали все и всегда. Но он не приставал, даже странно. На самом деле – не странно, нормально. Просто норма стала редкостью.

Борис писал Марианну вместе с собакой. Марианна – в старинном кресле, собака у ног. Борис мучился, не мог найти общее решение.

В середине дня предложил перекусить. На столе появились горячая картошка в мундире, квашеная капуста, масло и хлеб.

Марианна стала снимать с картошки кожуру, обжигаясь. А Борис ел прямо с кожурой и руками, как возле костра. Марианна посмотрела и тоже стала есть с кожурой, макая в соль. Это показалось так вкусно, что она спросила:

– Вы всегда так едите?

– А что? – насторожился Борис. Он боялся сочувствия.

Они смотрели друг на друга, задержались друг на друге глазами, и в этот момент Марианна впервые почувствовала какой-то вздрог, похожий на подземный толчок перед землетрясением. А Борис в этот момент увидел будущий портрет.

– Если можно, принесите завтра ваше платье, – попросил Борис.

Через неделю портрет был готов. Борис особым способом состарил холст, сделал его потемневшим и потрескавшимся. И было полное впечатление, что портрет написан во времена Крамского, а может, и самим Крамским. Лицо Марианны смотрело из прошлого века – бесстрастное и прекрасное, с чистым лбом и не пускающими в себя серыми глазами и плечами Натальи Гончаровой.

Портрет выглядел как подлинник, настоящее произведение искусства середины девятнадцатого века.

Марианна протянула конверт с деньгами.

– Нет, – испугался Борис. – Нет, нет...

– А как? – растерялась Марианна.

– Никак.

Надо было уходить. Марианна знала, что если она сейчас уйдет, то и уйдет. Он не будет ее задерживать. А она уже привыкла к неорганизованному пространству мастерской, к его синим пристальным глазам и своей роли. Пусть не в кино, а в мастерской художника, но она исполняла Главную роль. Происходило пусть не множественное, но тиражирование ее образа. А теперь кончилось и это.

– Поцелуйте меня, – тихо сказала Марианна.

Он поцеловал. Они стояли долго. Потом легли на жесткий диван. И когда он должен был погрузиться в ее прекрасное тело, Марианна вдруг проговорила испуганно:

– Не надо...

Марианна думала: он не сможет затормозить, и все случится как бы против ее воли. Она как бы ни при чем. Но Борис вдруг встал и быстро оделся. Марианна смотрела на него удивленно.

– Вы знали, что не отдадитесь мне. Зачем было начинать эти игры? – серьезно спросил он.

Марианна молчала. «Не надо» – это игра. Зачем он поверил? Он должен был сказать: надо! Или ничего не говорить, а овладеть ею здесь, в мастерской, пахнущей красками, с прекрасным деревянным столом, в присутствии собаки.

Борис обиделся и удалился к своим картинам. Она подошла к нему босиком, обнаженная, и стала целовать его обиженный рот. Он не уклонялся. Выражаясь высоким слогом, оба наполнились музыкой любви. Она в них пела, потом гремела и даже грохотала. Вдруг Борис отстранился и торопливо проговорил:

– Не двигайтесь...

Он отошел к мольберту и стал писать ее, обнаженную, во всем цветении красоты...

– Сделайте шаг вперед, – приказал Борис.

Марианна шагнула, как будто выходила из пены морской. Афродита семидесятых годов двадцатого века.

Он писал ее час, другой... Потом отложил кисть.

И они оба легли молча. Как будто это само собой разумелось. В момент любви Марианна не закрыла глаза, а смотрела, смотрела... Его лицо замкнула мученическая гримаса. Она слышала в себе эту блаженную пытку и застонала. Потом они лежали рядом – голые и теплые, одной температуры. А собака бродила вокруг, и томила, и тоже, наверное, хотела любви.

Марианна не жила, а ждала. Если раньше она ждала роль в кино, то теперь она ждала встречи с Борисом Мещерским.

Каждый день она приходила к нему в мастерскую, он открывал дверь, и они сразу начинали раздеваться. Потом ложились на диван, обнимали друг друга, и Марианна понимала: вот ее место в жизни. Не надо ничего: ни кино, ни славы, ни гостей. Борис Мещерский – вот ее единственное самовыражение. Борис не мог привыкнуть к красоте своей Марианны, ему всегда

хотелось ее рисовать: маслом, карандашом, углем, на холсте, на бумаге – живопись и акварель. Он делал одну работу за другой и развешивал в мастерской. Тиражировал ее образ. Это было совместное творчество. Борис был ее режиссер, и сценарист, и оператор. А она – его модель, его муза, его тема. Вот и все, что нужно для счастья: чердак, картошка в мундире и любовь.

Однажды я увидела их вместе в ресторане Дома кино. Они вошли. Марианна стала высматривать свободный столик. На ней был спортивный свитер, обтягивающий ее широкие прекрасные плечи, юбка в клетку. Она высматривала и вся была во внутреннем движении. На винте. В полете. А Борис – при ней, как партнер при балерине: поддержка, общий рисунок, общая внутренняя музыка. Когда любовь, это всегда видно.

Ковалев понял все и сразу. Но сказать, как раньше: «Люби, кто тебе запрещает», – он не мог. Он просто замер и выжидал. Если начать выяснять отношения, можно договориться до разрыва. А он не хотел. В любом качестве, но только рядом...

Они продолжали спать вместе, но Ковалев не касался жены. Понимал, что она – не с ним. И не надо притворяться. Он уважал ее состояние и не хотел мешать. Маруся отметила его деликатность и была благодарна за то, что он отпустил ее на столь длинный поводок.

Ковалев видел преимущества Мещерского. Вернее, не так... Он видел, за что его любила Маруся. Мещерский художник, а Ковалев естественник. У них работали разные центры мозга. У Маруси с Мещерским было больше общего, и даже визуально они смотрелись по-разному. Маруся с Мещерским в общем вальсе при свечах. А Маруся и Ковалев – двуглавый орел: неразделим, но головы смотрят в разные стороны.

Именно в этот период обозначилась трещина между ними и стало ясно, что эта трещина была всегда. Просто Ковалев поставил свой дом на трещине. А теперь она ширилась, и что будет с домом – не ясно.

Летом Марианна и Борис уехали на юг, к морю. Сняли комнату на берегу, не вылезали из теплого тугого моря. Потом сели на поезд и поехали в среднюю полосу.

Купили палатку и поставили ее в лесу. Ходили почти голые, как дикие люди. Жарили грибы на костре. Иногда выходили к людям за едой. Как лоси. Расплачивались акварелями Бориса. Он быстро рисовал пейзажи. Не халтурил. Даже в моментальных зарисовках было видно мастерство и вдохновение. За это им давали хлеб, молоко и яйца.

Марианна научилась разводить костер, ставить палатку, отличать съедобные грибы от поганок, спать на земле, переплывать неширокую реку. Но что бы она ни делала – ждала, когда настанет ночь, и они лягут рядом, и вытянутся друг возле друга, вздрогнут вместе и умрут, а потом заснут единой плотью, с одной температурой.

Борис никогда не снимал крест. Он был верующий. Марианна тоже хотела приобщиться к вере, но ей мешали некоторые непроявленные обстоятельства, которые она хотела прояснить.

– Иисус Христос – Бог или человек?

– То и другое, – отвечал Борис. – Богочеловек.

– Но для того, чтобы родился человек, нужны две половины: мужчина и женщина. А здесь только Дева Мария. А вторая половина кто? Голубь?

– Вера стоит над знанием, потому и называется вера. Или веруешь, или нет.

– Ну хорошо. Вот он воскрес. А куда он делся, когда воскрес?

– Его видели ученики. И Фома Неверующий его видел. И поверил.

– Предположим. А почему Иисус не остался на земле? Воскрес – и живи дальше.

– Он вознесся к своему отцу. К Господу Богу, – терпеливо объяснял Борис.

– Если Христос человек, если у него есть органы дыхания, пищеварения, размножения – ему логичнее остаться среди людей, а не на небесах.

– Он был послан для искупления грехов человеческих. У тебя такие иконы, а ты, выходит, ничего не понимаешь...

– Объясни.

– Веру не объясняют.

Солнце сеяло сквозь листву свой мягкий свет.

В лесу не было ни телефона, ни Дома кино. Только Он и Она. И им не было скучно. Они познавали друг друга как мужчина и женщина, как художник и модель, как человек и человек.

Борис много рисовал Марианну, по несколько часов в день – в одно и то же время, писал свою картину. Ему было нужно определенное освещение.

После работы какое-то время Борис был опустошен, молчалив. Марианна не ревновала его к картине. Наоборот, только такой он и был ей дорог: глубокий, серьезно талантливый.

– Роди мне девочку, такую, как ты, – попросил однажды Борис.

– А где она будет жить?

– С нами. Ты уйдешь от Ковалева, и мы будем жить втроем.

– А как же Ковалев? – не поняла Марианна.

– При чем тут Ковалев? – обиделся Борис.

Действительно, при чем тут Ковалев...

А Ковалев делал вид, что ничего не происходит. Он знал, в медицине бывают такие состояния, когда лучше не лечить. Пустить на самотек. Положиться на Бога. Кризис пройдет, и больной поправится. Или умрет.

Ковалев работал, зарабатывал, строил дачу за городом. Те рабочие, которые строили больничный комплекс, отвлеклись и возвели загородный дом. Обошлось недорого, но кафель в ванной комнате был больничный, белый.

Дочь проводила лето у Марусиной мамы, но все время просилась домой. Спрашивала: где мама? Когда приедет?

Что Ковалев мог ответить? Он и сам хотел бы знать, где его Маруся? Когда приедет? Может быть, никогда...

Однажды в полдень Ковалев встретил на улице своего сына от первого брака. Они шли навстречу друг другу, узнавали друг друга. Сын дернулся в его сторону, хотел подойти, но Ковалев не знал, о чем с ним говорить. «Как ты? Как мама?» А дальше что? Все равно Ковалев пойдет своей дорогой, а сын своей...

На перекрестке зажегся зеленый свет – Ковалев резко свернул и перешел дорогу, почти убежал. Потом оглянулся. Сын стоял и смотрел. Интересно, что крутилось в его мозгах...

Маруся вернулась беременной. Она ждала ребенка от Бориса Мещерского и ждала удобного случая, чтобы сообщить Ковалеву о грядущих переменах. Но откладывала со дня на день. Ее мучил токсикоз. Тошнило от запахов и без причины. Хотелось все время лежать.

Маруся лежала в удобной и чистой постели, ее окружали красота и комфорт, и как-то не тянуло в палатку или в мастерскую на чердаке, куда надо было залезать по вертикальной металлической лестнице. Собака взвизгивала от счастья видеть хозяйку. Маруся запрещала ей шуметь, собака взвизгивала шепотом. Хотелось оставаться на месте, а не бегать на два дома.

Но хотелось и Бориса. Просто смотреть, как он ходит, как оборачивается, как смеется, как говорит «да». У него было целое множество этих «да». Когда слушал – поддакивал: да, да, да...

Когда удивлялся – одно глубокое, детски изумленное: да-а? И одно испуганное короткое «нет», когда что-то падало. Однажды Марианна уронила мольберт в мастерской, он упал с грохотом. Борис побледнел и выдохнул: «нет»...

Потом объяснил, что они с матерью долгое время жили над участковым милиционером. Комнаты располагались одна над другой. Мать вздрагивала, когда что-то падало на пол. Боя-

лась, что милиционер придет и отведет в тюрьму. Они жили тихо, как мыши. Страх стал привычкой.

Марианна любила в нем все – настоящее и прошлое. Если бы можно было отправить Ковалева в мастерскую, а Бориса взять на его место... Однако тоже не выход. Ковалев – добытчик, а Борис – нет.

Борис – свободный художник. Полузапрещенный. Один он проживет, но с гремучим прицепом из двух семей...

Марианна могла бы выбросить свои бредни о кино, заняться фарцовкой, как половина ее подруг. Она могла бы сама добывать деньги, но во что превратится ее жизнь...

Марианна молчала о беременности. Решила так: скажет, когда уже некуда будет деться. Ковалев спросит: «Ты что, беременна?» Она ответит легким голосом: «Да. А что?»

Такое время настало. Однажды утром, увидев ее круглый живот, Ковалев спросил:

– Ты что, беременна?

– Да, – сказала Маруся легким голосом. – А что?

Ковалев приехал на работу, закрылся у себя в кабинете и позвонил Борису Мещерскому. Попросил о встрече.

– Я могу подъехать к вам в больницу, – отозвался Борис.

– Нет.

– Тогда заходите в мастерскую, – пригласил Борис.

– Мы встретимся на нейтральной территории.

Они встретились у памятника Пушкину и разговаривали четыре минуты.

– Какие у вас планы? – коротко спросил Ковалев.

– Это зависит от Марианны, – ответил Мещерский. Он держался очень спокойно, с внутренним достоинством. Вел себя не как воришка, которого застукали, а как хозяин, который взял свое.

– Я прошу вас не забирать у меня жену, – сухо сказал Ковалев. – Я уважаю вас и ваше чувство и поэтому не приказываю, а прошу. Я готов вам отдать свою новую машину.

– При чем тут машина? – удивился Борис.

– Абсолютно ни при чем. Просто на машине вам будет удобнее передвигаться. До свидания.

Ковалев ушел, а Борис остался стоять. Он был раздавлен.

– Бери! – взмахнула руками Марианна. – Он себе еще купит.

– Но что это такое? Он дает мне отступного? Это что, сделка?

– Пусть все останется, как было, – спокойно и трезво предложила Марианна. – Крики и пеленки у Ковалева, а мастерская – для любви и творчества. Ты же не хочешь, чтобы среди твоих картин вопил младенец, висели пеленки, а ты бы был зеленого цвета от бессонных ночей.

Борис молчал. Такой период уже был в его жизни, когда родилась дочь. Рождение нового человека – большое счастье, но прежде всего – это большой труд.

Все осталось, как есть. Ковалев – на месте. Маруся – при Ковалеве. А та часть, которая звалась Марианна, – принадлежала Борису Мещерскому.

Борис машину не взял. На ней ездила Марианна.

– Все-таки ты – аристократ, – насмешливо заметила Марианна. – Мог бы и машиной пользоваться, и женой.

– Если говорить на твоём языке, я не хочу продешевить. Мое чувство дороже, чем машина. Оно бесценно. Или не стоит ничего.

– На моём языке? – насторожилась Марианна.

– На вашем. Твоём и твоего мужа. Он – страшный человек.

Борис услышал в себе неприязнь. Это было непозволительно. Его душа должна быть свободна от ненависти. Она должна быть чиста для работы.

Борис заканчивал свою картину. Странная была картина.

В небе самолет, как рыба в воздушном океане, внизу круглая земля, а в середине земли – человек, и из его глаз растут цветы.

Марианна долго смотрела на картину, потом спросила:

– Этот человек твой отец?

Борис долго не отвечал, потом проговорил:

– Когда Берию расстреливали, ему заткнули рот. У него от напряжения чуть не вылез глаз.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Наверное, когда человека расстреливают – ужасное, нечеловеческое напряжение.

Марианна поняла: он думает не о Берии, а о своем отце, о его последних секундах.

Борис стоял к ней спиной. Лицом к своей картине. Марианна подошла, прижалась животом, обняла его сиротливые плечи.

– Если будет мальчик, мы дадим ему имя твоего отца. Как его звали?

– Дмитрий...

– Значит, будет Дмитрий, Митя...

Но родилась девочка. Назвали Анной.

Ковалев принес ребенка из родильного дома и просто сошел с ума от любви. Он мог часами смотреть на крошечную девочку. Даже не хотел по утрам уходить на работу. Зачем куда-то выходить и что-то делать, когда главное – в доме. Вот он – клад. Настоящее сокровище. Нашли няньку, деревенскую деваху. Она выстраивала на голове прически – кому это надо, но ребенка обожала. Девочка была ни на кого не похожа. На себя. Сама по себе отдельная девочка.

Борис заходил несколько раз, смотрел на дочь, но ничего не чувствовал. Он не любил таких вот, совсем маленьких. Он любил постарше, когда можно общаться. А здесь что? Тютю-тютю, гу-гу-гу... Как дикарь. Марианна, напротив, вся ушла, просто рухнула в тютю-тютю и гу-гу-гу. Марианна любила ребенка до самозабвения, может быть, потому, что от любимого человека, а может, просто созрела для материнства. Ей исполнилось тридцать два года. Марианну потрясала зависимость ребенка. Вот возьми, урони на пол – и убьешь. Надо просто развести руки, и нет человека. Никто, конечно, не собирался развести руки, но какая хрупкость... Говорят, только что вылупившиеся птицы – уже летают, волки – уже охотятся, утки – уже плывут. И только человеческие детеныши – беспомощны. Что у них есть для защиты? Обаяние и слезы. Вот и вся защита: хорошенький...

Марианна чуть-чуть свихнулась, сдвинулась. Ей казалось, что нянька утопит ребенка в ванне, выронит в окно, нечаянно, конечно. Или ребенок сам захлебнется во сне. Срыгнет – и захлебнется. Марианна просыпалась в холодном поту, всматривалась и вслушивалась. Но девочка росла, становилась крепкой, у нее были сильные руки, как лапы у щенка. И как-то казалось, что, если даже выпадет из рук, не убьется. И даже не ударится. Удачно упадет. Маленькая Анна любила поплакать, потому что все кидались к ней со всех ног и старались угодить. Обаяние, слезы и упрямство – вот три рычага, которыми она переворачивала весь дом, устанавливала свою диктатуру.

Когда Марианна уходила в мастерскую, она мысленным взором видела перед собой гримаску плача, выдвинутую вперед нижнюю губу, и ей хотелось домой.

Борис Мещерский обожал старинную архитектуру, предметы быта. Хорошо знал все это. Он вообще как-то больше принадлежал девятнадцатому веку, чем двадцатому.

Он увлекал Марианну в старые усадьбы, их сохранилось довольно много под Москвой. Обязательные аллея, купальня, барский дом. Марианна в отличие от Бориса была человеком сугубо современным, городским и не понимала: как можно было всю жизнь сидеть в поместье, в деревне, без телевизора и без работы. Только играть на пианино и разговаривать, разговаривать... Потом кто-нибудь стрелялся, тоже развлечение...

Однажды осенью они возвращались из Ясной Поляны, машина забуксовала в тяжелой грязи. Борис вышел, стал толкать машину. Марианна включала зажигание, машина редела, Борис толкал, колеса прокручивались вхолостую, и у Марианны впервые возникла мысль, что их отношения тоже стали буксовать и вязнуть, потому что... А какая разница почему?

Запомнился случай, когда к ним подошла нищенка, попросила у Бориса денег. Борис вытащил кошелек и дал. Нищенка повернулась к Марианне и сказала:

- А теперь вы. Немножко он, немножко вы.
- И ты такая же, – вдруг сказал Борис. – Немножко тут, немножко там.
- ВСЁ тут, и ВСЁ там, – поправила Марианна.
- А в результате нигде.
- Почему? – удивилась Марианна.
- Половинчатость – это дорога в никуда. Время работает против нас.
- Но я не могу без тебя, – испугалась Марианна.
- Ты не можешь без меня, без Ковалева, без его денег, тебе надо все. А так не бывает.

Нужно уметь от чего-то отказываться...

Через три года Борис Мещерский вернулся к жене. Вернее сказать, жена вернула Бориса обратно. За время разлуки жена поняла: с мужем ей плохо, но без него еще хуже. К тому же до нее дошли кое-какие слухи, и она сообразила: даже такого безлошадного мужа-Деву умыкнут и приватизируют. Хотя слово «приватизируют» появилось позже.

Так что жена сама бросила, сама вернула. Борис подчинился. В его жизни почти ничего не изменилось. Он по-прежнему уходил на целый день в мастерскую, но ночевал дома. А перед сном съедал тарелку борща с куском мяса. Ничего не изменилось, но изменилось. Другим стал фон его жизни. Был цветной, стал серый. И пройдет еще много лет, прежде чем он привыкнет к этому новому фону.

Борис по-прежнему путешествовал по барским усадьбам. Любил бродить по старому парку, который помнил своих прежних хозяев. Борис ходил по их стершимся следам и казался себе одним из них...

Маруся первое время существовала со спокойным, бесстрастным лицом. Оказывается, она проигрывала варианты смерти. Мысли о смерти стали будничными, даже деловыми. Убить себя – это единственное решение, которое зависело только от нее. Это свобода. И месть. Она отомстит, всем сразу – и своей славе, и любви. Но время шло. Младшей дочери сделали прививку, от которой поднялась температура до сорока двух. А у старшей она нашла в сумке табак, высыпавшийся из сигарет. Состоялась большая разборка. Хотя слово «разборка» появится позже.

Марусе стало ясно: если не умирать, то жить. А жить – значит сражаться.

Когда Маруся назвала полный дом народу, Ковалев понял, что все вернулось на круги своя. Он понял также, что выиграл Марусю у жизни, и в этот вечер сидел за столом вместе с гостями и напился изрядно.

И Маруся отдалась мужу, а он обладал ею – ритмично и неистово, как сумасшедший, но алкоголь мешал доплыть до конца. Все это продолжалось, продолжалось, пока Маруся не сказала:

– Хватит. Надоело.

Ковалев послушно свалился и заснул. Перед сном ему показалось: так было когда-то...

Действительно, так было в начале их жизни. А потом пошла долгая хорошая полоса. И сейчас: тучи рассеялись и теперь взойдет солнце.

Но солнце не всходило. В Марусе образовалась пустота, и в эту пустоту немедленно стала просачиваться жажда кино.

Маруся просила меня посодействовать. Я содействовала. Звонила на телевидение. Мне отвечали:

– Зачем нам нужна двадцатирублевая актриса?

Двадцать рублей – ставка актрисы, не народной и не заслуженной.

Марусю не любили за богатство, за открытую смелую жизнь, которую она не скрывала от людей.

Это была пора нашей молодости, расцвета, гормональной бури. Вокруг меня многие заводили романы, я была набита чужими тайнами от пяток до макушки, но все было скрыто, все пряталось, все должно быть прилично. «Без юбки, но прилично».

Семья Ковалевых – неординарное явление тех лет. Они не соблюдали условия игры. Может быть, это было безнравственно. А может быть, они шли впереди времени. Принимая жизнь как она есть. А это честнее и шире.

Дела у Маруси не двигались. Но вдруг проклюнулась роль. Сценарий был хороший, но режиссер какой-то вялый и совершенно не знал, чего он хочет. Режиссер был весь в долгах, его преследовали кредиторы, и голова была постоянно занята заботой: у кого-то срочно перехватить денег, чтобы кому-то срочно отдать.

Пригласив Марусю на роль, он терпел несколько дней, потом позвонил и сказал, что хочет поговорить с ней с глазу на глаз. Маруся ответила:

– Можно ухо в ухо. Нас никто не слышит.

– Нет, – не согласился режиссер. – Мы должны встретиться.

Режиссер приехал к ней домой и, буравя Марусю выразительными глазами, попросил в долг четыре тысячи рублей. Это был по тем временам годовой доход профессора или министра.

Маруся была ошеломлена. Для нее кино – святыня, как церковь для верующих. А режиссер – часть святыни, как владыка в храме Божиим. И вдруг «Его преосвященство» просит в долг.

Маруся постаралась скрыть разочарование, сухо сказала:

– Я могу дать сумму, с которой готова расстаться навсегда. Триста рублей. Могу дать прямо сейчас.

Режиссер обиделся и ушел. Но на другой день вернулся и взял триста рублей.

Начались съемки. Маруся увидела, что другого таланта, кроме как быть должным всем вокруг, у режиссера нет. Это был профессиональный одолженец. У одолженцев мораль плавает. А человек с плавающей моралью не может создать произведения искусства. Хотя как знать... Мусоргский был алкоголик. Эдгар По – просто сумасшедший...

Маруся так долго ждала роль. Наконец получила. И что? Это было движение вниз, к позору, к унижительному сочувствию в лучшем случае. Ненависть к режиссеру охватила Марусю, как пожар. Она пыталась залить ее водкой, заглушить компаниями. Ей уже тягостно было оставаться одной.

– Ты сопьешься, – предупреждал Ковалев. – Будешь как Серова...

О! Если бы можно было повторить судьбу актрисы Серовой; звезда военного кино, возлюбленная лучших мужчин поколения, символ верности и нежности. Остаться символом – за такую судьбу она готова была на любое испытание и на любую расплату.

Картина вышла в конце концов. Она оказалась плохой, но не самой плохой. Были хуже, притягивающие к себе кровожадность критики. Картина одолженца прошла незамеченной и ничего не прибавила и не убавила от Марусиной безвестности.

Какое-то время, может быть, год или два, я не видела Марусю и не знала, что происходит в ее жизни. Но однажды она позвонила и сказала, что привезла мне из Хохломы мой знак зодиака: Скорпион.

Я заехала в будний день, ближе к вечеру. У нее, как всегда, сидели люди – не много, человек шесть. По внешнему виду – торговое звено. Никаких знаменитостей, тем более звезд.

Мой Скорпион оказался очень красивым: темно-зеленый с золотом на черном лаке. Я выпила водки, в душе отпустило. За столом возникла песня, и я запела вместе со всеми. Песня объединяет: не даром в церкви поют. Она объединяет людей между собой и всех вместе с Богом... Мы пели серьезно, вдохновенно и смотрели друг на друга.

Напротив меня сидел молодой, толстый, простоватый Володя.

– Кто это? – тихо спросила я у Маруси.

– Сыщик, – ответила Маруся.

– А где ты его взяла?

– У нас дачу обокрали. Он пришел по вызову милиции.

Володя пел очень хорошо. У него был высокий сильный голос. И я думаю, что в сельской местности, где стоит Марусина дача, среди местных девушек он котируется высоко.

Рядом с Марусей он выглядел странно. Это был ее декаданс.

Хотя как знать... Все люди – люди. Каждый человек – человек.

Когда я собралась уходить, Маруся попросила меня принять Володю и дать ему литературную консультацию. Я поняла, что Скорпион – это гонорар за консультацию.

– Стихи? – спросила я.

– Сценарий.

– А зачем сыщику сценарий?

– Не сыщику. Мне.

Маруся использовала любой шанс, даже такой маловероятный, как Володя. Маруся решила, наверное, что раз я пишу, то и Володя тоже может. У нас в стране всеобщая грамотность.

Сценарист – это профессия плюс талант. Володя не владел ни первым, ни вторым.

Сценарий назывался «Выстрел в тумане». Это была история любви потерпевшей и молодого сыщика. Володя не умел строить сюжет, все было свалено в кучку, как груда кирпичей. Из Володиных кирпичей можно было выстроить собачью будку.

Из листков я поняла: автор находился в тяжелой зависимости от героини, болел ею и не желал выздоравливать. Володя понимал, что ему не дотянуться до Маруси, но он тянулся. Маруся сказала: похудей. Он похудел на тридцать килограммов. Потерял четверть своего первоначального веса. Был сто двадцать, стал – девяносто. Маруся сказала: напиши сценарий. Он написал сценарий. Если бы она приказала: убей, он бы убил. Но она не приказала, к счастью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.